

ГЕНИЙ И ЗЛОДЕЙСТВО (ТРИ ЦАО)

Я уже писал о двух братьях Цао Пи и Цао Чжи, но в этой истории вряд ли можно поставить точку.

Как говорят, в Китае было три Цао: Цао Цао 曹操 (155-220) и его сыновья Цао Пи 曹丕 (устаревшее Цао Пэй) (187-226) и Цао Чжи 曹植 (192—232).

Как говорят, все трое одинаково хорошо владели и кистью и мечом.
Три полководца, три поэта.

В романе «Троецарствие» Цао Цао выведен как наиболее колоритный злодей своего времени и (не вполне заслуженно) могильщик империи Хань. Он стал правителем царства Вэй, сражавшегося с двумя другими царствами Шу и У.

Будучи поэтом, Цао Цао долго колебался и хотел назначить своим наследником Цао Чжи, который был более талантлив именно как поэт. Но слабые административные способности Цао Чжи и совет полководца Цзя Сюя о том, что отступление от принципа первородства может быть использовано врагами, решили дело в пользу Цао Пи.

Вот он и низложил последнего, 13-го императора династии Хань, и основал империю Вэй.

Цао Пэй обычно считается компетентным администратором, который поручил важные дела в империи ряду способных чиновников, придерживаясь мнения своего отца Цао Цао о том, что способности важнее происхождения. Однако он плохо воспринимал критику, и те чиновники, кто осмеливался критиковать его, лишались должностей, а иногда и жизни.

Но больше всего Цао Пи боялся, что кто-то из братьев захочет захватить трон, поэтому всячески их гнобил.

Он уменьшил домен своего младшего брата Цао Чжи и казнил ряд связанных с ним людей.

Как-то раз Цао Пи приказал Цао Чжи под страхом смерти сочинить стихотворение за семь шагов.

Цао Чжи сочинил стихотворение, в котором аллегорически высказал своё отношение к сложившейся ситуации вражды между братьями, чем смутил императора.

Варят бобы, —

Стебли горят под котлом.

Плачут бобы:

"Связаны все мы родством!

Корень один!

Можно ли мучить родню?
Не торопитесь
Нас предавать огню !? ""

(пер.Л.Е. Черкасский)

В литературе сложилось мнение о злодействе и хитрости Цао Цао, но это, может быть, благодаря тому же роману «Троецарствие», который был написан в XIV веке, т.е. спустя больше тысячи лет после описываемых в нём событий.

Автор (предположительно Ло Гуаньчжун 羅貫中) нередко даёт своим героям личные оценки, произвольно разделяя их на положительных и отрицательных.

В его симпатиях чувствуется ностальгия по несбывшимся вариантам китайской истории.

Главный положительный герой — Лю Бэй, основатель царства Шу и его полководец Чжугэ Лян, а Цао Цао — главный отрицательный герой.

Популярность романа привела к тому, что именно эти оценки закрепились в народной памяти как чёткие стереотипы.

И теперь уже вряд ли можно установить истину.

Да и нужно ли?

В конце концов, есть большая доля правды в том, что история — это не столько то, что было, сколько то, что закрепилось в памяти народа.

Включая исторические мифы.

Может быть, к таким историческим мифам относится и история двух братьев Цао Пи и Цао Чжи.

Цао Пи — император, настолько озабоченный сохранением своей власти, что готов принести (и приносивший) в жертву своих братьев.

Цао Чжи — гонимый благородный поэт.

И все симпатии, конечно, на стороне Цао Чжи.

Тем более странно, что Цао Пи называют «великим поэтом», а Цао Чжи — просто «поэтом» (в лучшем случае «талантливым поэтом»).

Цао Цао оставил нам немало замечательных стихотворений, фразы из которых стали «крылатыми» среди китайского народа.

Цао Пи написал больше ста стихотворений и первый в Китае трактат об изящной словесности, имевший эпохальное значение для теории поэтического творчества.

А что Цао Чжи?

Пишут (международное радио Китая), что «хотя Цао Чжи добился блестящих успехов на литературном поприще, но он с начала до конца желал

осуществить и свои политические замыслы. Однако эти честолюбивые устремления вызвали подозрительность и гонения со стороны императора. Жизнь Цао Чжи была полна всевозможных перипетий и невзгод. В своих произведениях Цао Чжи выразил свои душевные переживания по поводу несостоявшейся политической карьеры, но он не мог прямо писать об этом. Это породило интересное явление иносказательности и намека в его литературном творчестве». Поэтому-то он и создал «сочинения, полные прекрасных женских образов», самым знаменитым из которых является поэма «Фея реки Ло».

Мои симпатии тоже были на стороне Цао Чжи, как и в исторической легенде о «семи шагах».

Но всё же, всё же...

Так ли уж кровожаден был император Цао Пи?

Опять, опять всё та же проблема: «гений и злодейство».

Я уже как-то писал об этом в связи с 6-м параграфом 1-й главы Лунь Юя Конфуция:

«Учитель сказал:

— Молодые люди, находясь дома, должны проявлять почтительность к родителям, выйдя за ворота — быть уважительными к старшим, в делах — осторожными, в словах — правдивыми, безгранично любить людей и особенно сближаться с теми, кто обладает человеколюбием. Если у них после осуществления всего этого еще останутся силы, то потратить их надо на изучение вэнь-культуры».

Слова "Лунь юя" просты и обыденны, но почти в каждом изречении есть что-то такое, на чем читатель спотыкается.

В 6-м параграфе таким камнем преткновения оказывается выражение из последнего предложения: «Если у них после осуществления всего этого еще останутся силы, то потратить их надо на изучение вэнь-культуры».

Неожиданная и как бы даже неуместная ирония, звучащая здесь, заставляет задуматься: почему Конфуций намеренно противопоставляет две опоры, два краеугольных камня своего учения — обучение и воспитание, знание и добродетель, науку и мораль, талант-цай и благодать-дэ.

Что из этого важнее?

Для Конфуция задавать такой вопрос — все равно, что для ребенка спрашивать: кто для него важнее — отец или мать?

Тем не менее, Конфуций не только спрашивает, но и дает однозначный ответ: важнее добродетель.

Такую категоричность трудно было ожидать от человека, с которым, по его собственному утверждению, никто не мог сравниться в любви к учению.

Почему Конфуций вообще задает такой вопрос?

И почему он не ищет компромиссного ответа, что-нибудь вроде «оба важны»?

Европейская мысль, рассматривая тот же вопрос, заменяет одно из парных понятий на его противоположность, формулируя проблему совместимости «гения и злодейства», «ума и зла».

Эта подмена весьма характерна — здесь как бы звучит вопрос: «не приводит ли утрата добродетели к деградации таланта?».

Если не приводит, то и бог с ней — с добродетелью, а вот если приводит, то добродетель важна.

С другой стороны, если гений и злодейство несовместимы, то остаются три варианта, которые выстраиваются в удобный линейный порядок по предпочтительности: глупый злодей — добрый глупец — добродетельный мудрец.

Но если они совместимы, то возможны четыре варианта, между полюсами на одном уровне располагаются два варианта: добрый бездарный и злой талантливый.

Вот выбор между ними как раз и составляет проблему для европейской мысли.

Эта же проблема выбора стояла и перед китайской мыслью.

Однако, здесь имеется существенное различие, определяемое тем, для кого делается выбор.

Европеец делает выбор для себя лично: кем бы он сам хотел быть, если бы были всего два варианта — добрым глупцом или злым гением?

Китаец делает выбор для всех людей: кто полезнее для общества — добрый и глупый или злой и умный?

Ум и глупость, талант и бездарность — это качества самого человека, не зависящие от наличия других людей.

Добро и зло, моральность и аморальность, напротив, проявляются только в обществе как отношения между людьми.

Одинокий "Солярис" может быть умным или глупым, но не может быть добрым или злым.

Поэтому, думая о себе, человек отдает приоритет уму, а думая о другом — добру.

Человек сам хочет быть умным, а от другого человека ожидает добра.

Поэтому неудивительно, что европейская мысль достаточно часто решает проблему выбора в пользу «злого гения», а китайская — в пользу «добродетельного глупца».

Может быть, в этом одна из причин стабильности китайской цивилизации, непрерывно существующей на протяжении нескольких тысяч лет?

Добродетель по сути своей есть качество консервативное и общество тем стабильнее, чем добродетельнее его члены.

Ум и талант, наоборот, побуждают своих обладателей к активности, к реализации способностей и тем самым стимулируют эволюционные, а подчас и революционные, изменения в обществе.

Не случайно формула «мыслию — следовательно, существую» родилась именно в Европе.

Утрата ума отождествляется с утратой существования.

А между тем китайская история и литература полны примеров «великих безумцев»

«Я сердце глупого человека!» — восклицал Лао-цзы.

Противопоставление «западный ум» — «восточная мудрость» возникло не случайно.

Видимо, для китайцев существование означало не только, и не столько рациональное мышление.

И не случайно не утихают споры о том, можно ли считать Ленина, Сталина и Гитлера великими людьми?

Ведь этот спор идет не только между их сторонниками и противниками.

Позиция в этом споре определяется скорее тем, что включать в понятие «великости»: ум, талант, энергию и волю или добродетель?

И много ли вы найдете в европейской истории великих глупцов?

А между тем китаец вполне может считать, что Конфуцию «не хватало такого достоинства, как ум (чжи дэ)», хотя для каждого китайца Конфуций — безусловно великий человек.

С Конфуцием тоже не все просто и ясно.

Этот человек не витал в облаках.

Довольно часто он судил о людях только по их делам и давал им высокую оценку, не взирая на чье-либо отрицательное мнение об их личных моральных качествах.

Можно было бы сказать, что для него поступки — важнее намерений.

С другой стороны, Конфуций был человек прозорливый и мог по ряду вроде бы незначительных внешних признаков вынести о человеке отрицательное суждение, хотя тот как будто ничего плохого еще не совершил.

Можно было бы сказать, что для него поступки — это проявление внутренней сущности человека.

Мы, люди XX века, могли бы охарактеризовать Конфуция как сложную и противоречивую натуру.

Но что-то этому мешает.

Общее впечатление оказывается другим — это был удивительно цельный человек, у которого слово не расходилось с делом, несмотря на кажущиеся порой противоречия.

Причина этого — в том моральном стержне, который составлял основу его личности.

Именно поэтому Конфуций столько категоричен, когда дело касается принципов, то есть, в ситуации, когда человек еще может делать выбор: поступать по совести или по обстоятельствам?

Но Конфуций не был догматиком и воспринимал жизнь вполне реалистически: если ты уже сделал правильный внутренний выбор, то в своем поведении нужно искать компромисс с внешними обстоятельствами, поскольку твой выбор не должен быть пустым звуком — он должен быть реализован в жизни, в поступках.

Мы же, обычные люди, слишком часто поступаем наоборот: нам не хватает гибкости в делах и твердости в принципах.

И мы почему-то думаем, что образование и карьера важнее почтительного отношения к родителям, уважения к старшим и любви к людям.

Так я когда-то писал.

Что же я могу добавить сегодня?

Цао Пи или Цао Чжи?

Не знаю.

Вопреки всему тому, что написал выше, не знаю.

Сердцем я — с Цао Чжи.

Большую часть времени.

Но иногда я задумываюсь: а что чувствовал Цао Пи?

Когда на нём лежала ответственность за империю?

Когда он писал стихи?

А ведь стихи хорошие.

Вот одно стихотворение — как раз к сегодняшней погоде.

ЦАО ПИ

ЯНЬСКИЙ НАПЕВ (пер. В. Журавлёва)

С деревьев осыпались листья

Бросает от холода в дрожь.

Роса превращается в иней,

И в снег превращается дождь.

Уже перелетные гуси?

Летят косяками на юг.
Тоскую о муже солдате.
О вас я вздыхаю, мой друг.

Пора вам уже возвратиться
К тоскующей вашей родне.
Зачем же вы медлите, милый,
В чужой находясь стороне?

Ах, долго ли мне, одинокой,
Пустующий дом сторожить?
Все дни провожу я в тревоге
И вас не могу позабыть.

Летят перелетные гуси.
Вдали застывает река.
Сбегают невольные слезы
И мой увлажняют рукав.

Беру я печальную лютню,
И струны мне стонут в ответ.
Короткую песнь напеваю,
На длинную сил уже нет.

Луна белизною сверкает,
Постель освещая опять.
На запад уходят созвездия,
А ночи конца не видать.

Мы, словно Пастух и Ткачиха,
Глядим друг на друга сейчас.
Как их, Млечный Путь разделяет,
И горе преследует нас.

О чём это он?
Почему от имени женщины («Тоскую о муже солдате»)?
Уж не стандартный ли это конфуцианский приём иносказания?
Тот же, что применил Цао Чжи, писавший о феях-красавицах, а думавший о
политических неудачах и брате-императоре?
В образах «Пастуха и Ткачихи» не зашифрованы ли братья: Цао Пи и Цао
Чжи?
«И горе преследует нас»...

*27 ноября 2020, пятница, 13-й день 10-й Луны.
6-й день 20-го сезона 冬至 Дун чжи — Зимнее солнцестояние.
1-й день 2-й пятидневки: Ци Неба поднимается вверх, ци Земли опускается
вниз.*